

Научная статья

УДК 398.87

DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-398-414

**По следам одного чувашского текста:
от Иркутской области до Дуная**

Екатерина Игоревна Исмагилова¹

Наталья Владимировна Леонова²

Елена Владимировна Федотова³

¹ Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

² Новосибирская государственная консерватория имени М. И. Глинки
Новосибирск, Россия

³ Республиканский центр народного творчества
«Дворец культуры тракторостроителей»
Министерства культуры Чувашской Республики
Чебоксары, Россия

¹ zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

² nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>

³ elena.fedotova.73@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>

Аннотация

Рассмотрены варианты текста чувашского байта (баллады) о девушке, уехавшей с солдатом и брошенной им в воду / утопившейся. Фольклорные образцы записаны с 1977 по 2023 г. в Иркутской области и в Чувашии. Варианты этого балладного текста также фиксировались во второй половине XIX – начале XX в. на территории Белоруссии, Украины, Польши, в западных областях России. В статье прослежены пути проникновения фольклорного текста с западных территорий в чувашские традиции Поволжья и Сибири; в сравнении

© Исмагилова Е. И., Леонова Н. В., Федотова Е. В., 2024

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 398–414

Critique and Semiotics, 2024, no. 1, pp. 398–414

со славянскими вариантами выявлены чувашские элементы, привнесенные народными исполнителями в иноэтнический по происхождению, заимствованный текст.

Ключевые слова

песенный фольклор чувашей Сибири, чувашский баит, баллада об уехавшей с солдатом девушке, сюжет фольклорного произведения, фольклорные варианты

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов» за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10113, <https://rscf.ru/project/19-78-10113>

Для цитирования

Исмагилова Е. И., Леонова Н. В., Федотова Е. В. По следам одного чувашского текста: от Иркутской области до Дуная // Критика и семиотика. 2024. № 1. С. 398–414. DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-398-414

In the Footsteps of one Chuvash Text: From the Irkutsk Region to the Danube

Ekaterina I. Ismagilova¹, **Natalya V. Leonova**²
Elena V. Fedotova³

¹ Institute of Philology
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

² M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory
Novosibirsk, Russian Federation

³ Republican Center of Folk Art “Palace of Culture of Tractor Builders”
of the Ministry of Culture
Cheboksary, Russian Federation

¹ zhimul@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5135-865X>

² nleonova53@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9350-8265>

³ elena.fedotova.73@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3479-7455>

Abstract

In 2023, in the Ziminsky district of the Irkutsk region, a story was recorded from the descendants of Chuvash settlers about a girl who left with a soldier who had invited her to marry with all her goods (dowry) and was abandoned by him on the bank of

the river. Not wanting to return home in shame, the girl drowns herself. On the mother territory of the tradition – in the Volga region – four variants of this text were discovered. They are quite close to the Siberian version; they are distinguished by individual details and different lengths of text. In two versions, a different ending appears, perhaps formed in a later period – the girl does not drown herself, but returns home. More distant versions of this text were found in Belarusian, Ukrainian, Polish, and some Russian collections. This ballad plot was especially popular in the second half of the 19th – early 20th centuries. The examples of variable formulas given in the article clearly illustrate the variety of embodiments of the plot in detail while maintaining its main motives. The song text in question was presumably associated with the male performing tradition and existed primarily in a military environment. The Chuvash could get acquainted with this plot in the ancestral territories of its existence during their military service during the First World War. In the Chuvash versions of the ballad text, as a result of a different localization of the action, the emergence of stable formulas from ritual folklore, and the addition of details important for the Chuvash traditional culture, the folk worldview of the bearers of the tradition was manifested.

Keywords

song folklore of the Chuvash people of Siberia, Chuvash bait, ballad about a girl who left with a soldier, plot of a folklore work, folklore variants

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the project “Folklore of autochthonous and migratory traditions of the peoples of the Volga region in modern records and historical dynamics: an interactive atlas of sounding texts” through a grant from the Russian Science Foundation no. 19-78-10113, <https://rscf.ru/project/19-78-10113>

For citation

Ismagilova E. I., Leonova N. V., Fedotova E. V. In the Footsteps of one Chuvash Text: From the Irkutsk Region to the Danube. *Critique and Semiotics*, 2024, no. 1, pp. 398–414. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2024-1-398-414

Введение

По результатам наблюдения за состоянием чувашского песенного фольклора в его сибирском бытовании на протяжении последних двадцати лет приходится признать, что в настоящее время эта некогда богатая, яркая и своеобразная традиция находится в стадии разрушения. Несмотря на все

усилия, направленные на ее возрождение¹, в аутентичных формах своего бытования, определяемых ее локальной и диалектной природой, народно-песенная традиция чувашско-сибирских переселенцев стремительно угасает. Поэтому для собирателей фольклора чрезвычайно ценными являются и те единичные фольклорные произведения, которые еще удается зафиксировать. Одним из таких образцов является *баит о девушке, уехавшей с солдатом*, записанный в ходе работы фольклорно-этнографической экспедиции в августе 2023 года в 3-м Успенском поселке Зиминского района Иркутской области от Надежды Васильевны Фидиковой, 1963 г. р.² Исполнительница выучила образец этого крайне редко фиксируемого в Сибири жанра от своей бабушки Анастасии Семёновны Белковой (1898–1988), приехавшей в Иркутскую область в середине XX в. из села Старое Ахпердино Батыревского района Чувашской Республики. Во время исполнения Н. В. Фидикова пользовалась зафиксированным ей рукописным текстом, что вполне укладывается в традицию самозаписи этих повествовательных жанров.

Варианты этого произведения фиксируются на территории материнской традиции, в Поволжье, вплоть до настоящего времени. Пристальное рассмотрение этого текста привело к выводу о существовании его более дальних, иноэтнических вариантов и версий. Исследованию сибирского варианта баита в сравнении с образцами, бытующими на материковой территории чувашской фольклорной традиции, а также на его предполагаемой родине – в Западной Белоруссии, Украине, Польше, и посвящена настоящая работа.

Баит, записанный в Иркутской области

Баит (чув. *пёйёт*) – жанр эпической и лиро-эпической песенности, родственной татарским и башкирским баитам, по содержанию близкий к рус-

¹ См., например, активную деятельность областных и краевых чувашских национальных культурных автономий (НКА): «Юлташ» (Иркутская область), «Таван» (Тюменская область), «Илем» (Нижевартовск), «Юман» (Ненецкий автономный округ), Красноярская региональная Чувашская НКА и т. п. URL: <https://culture.cap.ru/action/activity/mezhnacionaljnie-i-etnokonfessionaljnie-otnosheniy/nacionaljnaya-politika/diaspora-chuvashskij-mir/spisok-chuvashskih-nacionaljno-kuljturnih-objedine?ysclid=luv61naug6710839157> (дата обращения 11.04.2024).

² Подробнее о результатах этой экспедиции можно прочитать на сайте Института филологии СО РАН (philology.nsc.ru).

ским народным балладам. Термин *байт* арабского происхождения, единицей стиха здесь является строфа *бейет*, состоящая из двух строк. Музыкальный стиль байтов зачастую опирается на закономерности городской лирической песенности [КЧЭ, 2001, с. 315–316].

В байте, записанном от Н. В. Фидиковой, повествование ведется от первого лица, что в целом характерно для текстов этого жанра³. Девушка рассказывает о том, как она торговала в лавке, и о приходе в лавку солдата. Солдат попросил у нее виноградное пиво (*виноград сйрине*); затем они выпили три бутылки пива вместе. Солдат предложил девушке выйти за него замуж, на что она сразу согласилась. Далее описывается их отъезд: запрягли три пары лошадей и нагрузили их приданым (*перина, подушки, одеяла* – на первой паре, *золото, серебро, шелк* – на второй, на третью повозку сели сами и поехали. Когда доехали до Волги, солдат поставил девушку перед выбором: *хоть обратно иди, хоть в Волгу прыгни (хуть каялла кай терё, хуть Атйла сик терё)*. Не желая возвращаться домой опозоренной, девушка прыгает в реку и тонет (*Обратного пути не может быть, лучше в Волгу прыгну / Каялла каяс пулмё, Атйла сикес пулё*). Солдат уезжает. Венчает песню нравоучительное заключение: *Красивые девушки, в солдата не влюбляйтесь! Солдат вас обманет и в Волге утопит (Хитре хёр ачасем, салтака ан юратёр! Салтак сире улталать, Атйла та путарать)*.

В этом развернутом тексте обращает на себя внимание, что чувашская девушка решает уехать внезапно, не задумываясь, с совершенно незнакомым ей человеком, без благословения родных и без свадьбы, что совершенно не соответствует традиционным чувашским представлениям о женском поведении. Подобное явное нарушение неписаных законов чувашской народной этики в глазах исполнителей и слушателей закономерно приводит к трагической концовке байта.

Тексты байтов, зафиксированные в Чувашии

На материнской территории бытования традиции, в Чувашии, этот текст фиксировался неоднократно. Нам известны четыре его варианта. Самый ранний из них по времени записи зафиксирован в 1977 г. в с. Октябрьское Мариинско-Посадского района Чувашской АССР от группы женщин [Песни..., 1993, с. 315]; обозначим его как ЧВт1. В этом тексте

³ Далее сибирский вариант будем обозначать как СВт.

повествование также ведется от первого лица (*Я одиноко сидела / Эпӗ пӗччен ларнӑ чух*). Далее кратко повествуется о встрече с солдатом, который *попросил виноградного вина. Питье пил он, а денег не платил (Еҫессине ёсрӗ вӑл, укҫине те намарӗ)*. Далее солдат предлагает девушке выйти за него замуж. Затем сразу, без объяснения причин ее согласия (в СВт девушка сообщает, что *полюбила солдата, сказала, что пойду за него замуж*) говорится, что на первый воз он заставил ее погрузить *злато с серебром*, на второй сели сами (т. е. троичность в описании «приданого» в этом варианте утрачивается). Далее также в сокращенном варианте присутствуют мотив приезда к Волге и мотив необходимости выбора: *хоть обратно возвращайся, предлагал, хоть в Волгу бросайся, предлагал (хӑть каялла кай терӗ, хӑть Атӑла сик терӗ)*. Девушка погибает в реке; далее появляется поэтичное описание происходящего от первого лица: *с моей головы фата волжскую воду выбелит (ман пуҫ ҫинчи пӗркенчӗк Атӑл ҫине шуратӗ)*. Заключительное нравоучительное завершение в ЧВт1 отсутствует.

Этот текст характеризуется краткостью, отсутствием некоторых мотивов (согласия девушки, объяснения, почему она не хочет вернуться обратно), пропуском отдельных подробностей в описании происходящего. Складывается ощущение, что исполнительницы пели торопливо, не стараясь воспроизвести текст полностью; возможно также, собиратель не стремился записать протяженный текст байта полностью⁴. Вместе с тем в ЧВт1 фиксируются чисто чувашские элементы – пиво в качестве хмельного напитка, а также реалии жизни XX в. – белая фата.

Следующий вариант (ЧВт2), записанный в 1995 г. в дер. Орауши Вурнарского района Чувашской Республики, значительно более подробный⁵. Все обнаруженные в СВт и ЧВт1 мотивы в нем присутствуют. Более того, многие из них изложены более подробно. Например, оказывается, что девушка *раньше держала лавку с золотом, серебром, шелком (ёлӗк лапка тытатӑм ылттӑн-кӗмӗл, нурҫӑнна)*, т. е. была довольно состоятельной.

⁴ В XX в. чувашские байты мало интересовали собирателей и исследователей чувашского фольклора, поскольку считались заимствованным, не вполне традиционным чувашским жанром и поэтому не требующим к себе особого внимания.

⁵ Записано С. В. Тяхмусовой. Место хранения: Библиотечный фонд Чебоксарского музыкального колледжа им. Ф. П. Павлова, записи С. В. Тяхмусовой от 1995 г. Авторы статьи выражают свою благодарность собирательнице за предоставленный для исследования фольклорный образец.

Солдат пришел с тремя парами коней и вместе с девушкой вывез всё ее добро. Присутствует описание их пути: *ехали через лес, приехали к берегу моря (вӑрман витьӑр тухрӑмӑр, тинӑс хӑрне ситрӑмӑр)*.

Особенно сильное впечатление производит заключение, звучащее от лица девушки после того, как она утопилась: *Прощай, солдат, будь живым-здоровым, со светлым миром я рассталась (Прощай, салтак, сывӑ пул, сит тӑнчӑрен уйрӑлтӑм)*. Здесь появляется поэтическая формула, характерная для чувашских обрядовых жанров – свадебных и рекрутских песен [Исмагилова, Федотова, 2022, с. 248].

Текст третьего чувашского варианта (ЧВТ3) попал в поле исследовательского внимания несколько необычным образом. Этот баит исполняет известная чувашская эстрадная певица Надежда Ивановна Заводскова (1958 г. р., родилась в дер. Яманово Канашского района Чувашской АССР)⁶. По ее свидетельству⁷, она выучила эту песню в 1969–1970 гг. от чувашей из с. Яншихово Батыревского района. Примечательно, что носительница СВТ – бабушка Н. В. Фидиковой, также родилась и прожила часть своей жизни (до переезда в Сибирь) в Батыревском районе. Таким образом, в бытовании и передаче этого фольклорного произведения очевидны территориальные связи.

Образец, исполняемый Н. И. Заводской, достаточно полный и подробный, содержит все основные мотивы. Отсутствует введение – описание места происходящего, ЧВТ3 сразу начинается со слов *С тремя парами гнедых лошадей зашел один солдат (Виç пар турӑ лашапа килсе кӑчӑ пӑр салтак)*. Далее текст близок ЧВТ2. Однако в конце песни появляется неожиданный поворот: девушка отказывается прыгать в Волгу и возвращается в свою деревню. Далее всё также звучит нравоучение: «Девушки, замуж не выходите, парень вас обманет». Несомненно, подобная позитивная развязка сюжета – позднее вмешательство в текст. Решение конфликта таким образом (*девушка не боится вернуться домой*) свидетельствует о существенных изменениях, произошедших в XX в. в сознании носителей традиции.

С такой же концовкой (*Не буду я в воду прыгать, я домой пойду / Эп шыва сикместӑн, эӑ киле каятӑн*) в 2020 г. в дер. Маяк Канашского рай-

⁶ URL: https://zvyki.com/song/78997138/Nadezhda_Zavodskova_-_Kilse_keche_p_r_saltak/ (дата обращения 04.04.2024).

⁷ URL: <https://ok.ru/music/track/125042026987932> (дата обращения 04.04.2024).

она Чувашии был записан еще один образец (ЧВт4)⁸. Он представляет собой сокращенный вариант ЧВт3, как бы его пересказ. ЧВт4 содержит лишь основные мотивы байта, его фабулу; подробное же описание происходящего (три пары коней, три повозки с добром, нравоучительная концовка) в нем отсутствует. Примечательно, что исполнительницы двух последних образцов родились в близкорасположенных населенных пунктах Канашского района – возможно, для их локальной традиции характерен именно этот текстовый вариант.

Можно предположить, что в Поволжье бытуют и другие варианты этого текста. Рассмотреть же их пока нет возможности – ранее байты не часто фиксировались собирателями, поскольку считались произведениями поздней городской традиции, заимствованными из культур других этносов.

И действительно, сходные тексты неожиданно были обнаружены в сборниках фольклора, этнически и территориально относящихся к совсем другим фольклорным традициям.

Балладные тексты из Белоруссии, Украины, Польши

Поиск вариантов к тексту чувашского байта привел нас к фольклорным материалам, зафиксированным на территории Белоруссии, Украины, Польши, в западных районах России. Оказывается, балладные тексты с подобным сюжетом бытовали в ряде славянских фольклорных традиций; судя по времени записи фольклорных образцов и публикации сборников, особенно популярен этот сюжет был во второй половине XIX – начале XX в. [БНТ, 1978; Головацкий, 1878; Добровольский, 1903; Киреевский, 1986⁹; Романов, 1885; Франко, 1981¹⁰; Эолова арфа..., 1989; Kolberg, 1964]. Исследователь славянского музыкального фольклора К. В. Квитка в статье «Украинские песни про девушку, поехавшую с соблазнителем», написанную в 1926 г., говорит о том, что этот сюжет имел широкое рас-

⁸ Запись выполнена А. А. Александровым от О. П. Ендеровой (1944 г. р.) в ходе работы над проектом РНФ № 19-78-10113 «Фольклор автохтонных и переселенческих традиций народов Поволжья в современных записях и исторической динамике: интерактивный атлас звучащих текстов». Место хранения: Библиотечный фонд Чебоксарского музыкального училища им. Ф. П. Павлова, материалы А. А. Александрова.

⁹ Первая публикация 10-томного издания песен, собранных П. В. Киреевским, относится к 1860–1874 гг.

¹⁰ И. Я. Франко записывал фольклор в 1870–1890-е гг.

пространение на Украине, в Польше и несколько меньшее в России [Квитка, 1973, с. 199].

Известно, что варианты фольклорных произведений о молодце (молодцах), сманившем девушку уехать из родного дома, что привело ее к гибели, относятся к обширной группе текстов, обозначенных в указателе Ю. И. Смирнова темой «Мифическому существу (этническому врагу, чужеземцу) нужна девушка». Эта тематическая группа охватывает несколько десятков (около 90) сюжетов восточнославянских баллад и близких к ним песенных форм. Записанный в Иркутской области вариант соотносится с сюжетом 77: «Чужеземец (казак, солдат и др.) увез шинкарку со всем добром, обобрал и бросил в воду», который известен в нескольких версиях (четырех, по указателю Ю. И. Смирнова [1988, с. 35–36]).

Сюжетные версии 77.1 и 77.2, наиболее важные для определения СВт и ЧВт, в совокупности обнаруженных русских, белорусских, украинских и польских вариантов, имеют общую логику развития смыслового текста начальных и срединных разделов песенной композиции и отличаются сюжетными единицами ее заключительной части. Для установления полного набора единиц, составляющих сюжетный ряд славянских вариантов песни-баллады, был составлен сводный каталог, в котором последовательное развертывание сюжета (повторяемость смысловых элементов) представлено вариативными «формулами» / словосочетаниями, свидетельствующими о многообразии их проявлений. Далее приведем лишь часть из них ¹¹.

В экспозиционном разделе повествуется о географической локализации происходящего: *Во Бресте, во прекрасном месте* (РВт) / *у Рэсце, Рэсце, на прекрасным месце* (БВт) / *на гарэ-горцы* (БВт) / *в месте Березе* (УВт) / *коло бережечка* (УВт) / *Na przykażnym mieście* (ПВт) / *a w czystem poli* (ПВт) / *на крутой горе* (РВт). Далее говорится о более конкретной обстановке, в которой происходит завязка сюжета: *Стояла корчемка* ¹² (РВт) / *каршомка новая* (БВт) / *карчомка стаяла* (БВт) / *стойть коршмочка* (УВт) / *stoiat karczemka* (ПВт) / *karczemka stoi* (ПВт).

Главное действующее лицо практически во всех текстах, зафиксированных на западных территориях, – еврейская девушка: *жидовка* (РВт) / *жидовочка Хайка* (РВт) / *Хайка пражывала* (БВт) / *Хайка маладая* (БВт) /

¹¹ Ссылки на разнонациональные образцы обозначены как РВт, БВт, УВт, ПВт (соответственно русские, белорусские, украинские, польские варианты).

¹² Имеется в виду *корчма* – питейное заведение, кабак.

Zydoweczka Chajka (ПВт) / шинковка (РВт). В некоторых образцах присутствует упоминание о роде ее занятий – торговле вином: *вином торговала* (РВт) / *маскаль подманяла* (РВт) / *водку прадавала* (БВт) / *вином таргавала* (БВт) / *wodku predawala* (ПВт).

Завязка действия происходит при появлении мужчины: *Сполюбив Ванька* (РВт) / *Хайначка, люблю я цябе* (БВт) / *любив єю Ивась Тарновскій* (УВт) / *Хаюню, любуню, чи любишь ты мене?* (УВт) / *sprodbal jejo kozaszek mlod* (ПВт). В ряде образцов присутствует характеристика пришедшего (пришедших), это могут быть *три гусара* (РВт) / *туляк, поляк и казак* (РВт) / *два донских казаки* (БВт) / *тры чужаземцы* (БВт) / *маскалі пілі* (БВт) / *два козаки н'ють* (УВт) / *dwóch gergerów pili* (ПВт) / *przyjechał donij kozak tołody* (ПВт). Находясь в корчме, пришедшие *пили пиво, вино и мед* (РВт) / *водку пілі* (БВт), однако *денег не платили* (РВт) / *грошы не плацілі* (БВт) / *казак денег не кладет* (РВт). Вместо оплаты пришельцы уговорили девушку уехать с ними: *Хайку манили* (РВт) / *Хаечку манили* (БВт) / *Хайку падманілі* (БВт) / *молоду Хаюню з собов намовляють* (УВт) / *Chajeczke manili (nęcili)* (ПВт) / *зовет на Дон жити* (РВт), при этом завлекают девушку описаниями безбедной жизни в чужих краях: *У нас на Дону не прядут, хорошо ходют* (РВт) / *У нашым краю нічога не робяць, хороша ходзяць* (УВт).

Девушка соглашается и советует приезжать за ней: *в субботу пораньше, в пятницу попозже* (РВт) / *приедьтеу субботу рано* (БВт) / *не едзьте ў нядзелю рано, прыедзьте ў суботу позна* (БВт) / *Ясю Дембровський, приїдь до мене рано в н'ятницю* (УВт) / *ni ejedź tyw piątek rano, a przyjedź w sobotę rano* (ПВт). Рано утром в субботу можно будет уехать, поскольку: *жид уйдет до школы* (РВт) / *як отец и маці до школы пойдуци* (БВт) / *татыли, мамыли пошли до школы, лишили мене ключ вод коморы* (УВт) / *jak tate i tate do szkoły rójdą, przy mnie klucze rokina* (ПВт).

Девушку увозят на трех повозках: *приехав москаля на трѣх парах* (РВт) / *як приехали казаки да трома возами, да трома верхами* (БВт) / *przyjechał do niej w sobotę w szabes, przyjechał do niej z trzema furama* (ПВт). На повозки погружают всё добро. На первую повозку грузят преимущественно предметы обихода – приданое девушки *скрину и перину* (РВт), *ў первую фуру ложки да падушкі* (БВт), *будем брати на еден возик білі подушкі* (УВт), *na jednej fornalce dwóch soldatów siadło* (ПВт). На второй повозке повезли драгоценности, богатство: *на другую – серебро и золото* (РВт) / *і злата і срэбра* (БВт) / *а другій воз брали гроши золотыи* (УВт) / *na drugim wozie srybro i złoto* (ПВт). На третьей повозке едет сама девушка и (в неко-

торых текстах) увозящий ее человек: *на третью – Хайку* (РВт) / *сама Хайка села и песенки запела* (РВт) / *самі маладыя* (БВт), *на третій воз седали вони обоє* (УВт), *na trzeciej furnalce sama Chajka siadła* (ПВт). В ряде образцов присутствует описание этой поездки: *повезли долами, горами, темными лесами* (РВт) / *повез за горы висако, в воду глубоко* (РВт) / *едуць яны поле, едуць і другое* (БВт) / *за тыми горы, там мои дворы* (УВт) / *ojja dq, ja dq –góra wysoka* (ПВт).

Развязка сюжета происходит, когда приезжают к Дунаю (реже к морю или на мост): *приехал маскаля к реке к Дунаю* (РВт) / *на третье поле уезжаем, Дунай-реку сустрекаем* (БВт) / *на трэцеу з'язджаюць, к мору прыязджаюць* (БВт) / *выехали на мост высокій* (УВт) / *завів Хаюню в Дунай глибокій* (УВт) / *ojja dq, jadq –Dunaj głyboki* (ПВт). Девушке предоставляется выбор – утопиться (удавиться) либо вернуться домой: *утопися, удавися или воротися* (РВт) / *хошь назад вернися, хошь в Дунай топися* (РВт) / *ци домов вярнися, ци в Дунай топись* (БВт) / *zachciałosię Hajusi pić, każe Hajusi – nazad wrócić* (ПВт). Возвращению домой и неминуемому позору девушка предпочитает смерть: *назад не вярнуся, в Дунай утаплюся* (РВт) / *ў Дунай утоплюсь, а до дому не вярнусь* (БВт) / *не вярнуся, маткі баюся* (БВт) / *oj nie wierć się – tatu bojusie* (ПВт). Девушку топят в реке: *Узяў Хайку за ценькі бокі, ўкінуў Дунай глыбокі* (БВт) / *кинув Ивась Хаюню в Дунай глыбокій* (УВт) / *wziął on Hajusie pod białe boki, wrzucił Hajusie w Dunaj głyboki* (ПВт). При этом очевидно, что утопивший девушку сожаления не испытывает и считает, что гибель девушки в данном случае закономерна: *не хотела батьки слушати – изволь воды кушати* (РВт) / *не ўмела Хайка зугалю есці, учыся, Хайка, Дунаем плысці* (БВт) / *пывай, Хаюню, вод краю до краю, колісь не знала нашого звычайу! пывай, Хаюню, вод меры до меры, колісь не знала нашой веры!* (УВт).

В некоторых образцах в завершение повествования появляется мотив растворения человека в природе: *русья косы вада разносе* (БВт) / *та й мої коси тиха вода зносить* (УВт) / *пускай мое тело рыба-щука съела* (РВт) / *няхай маё цела шчука-рыба з'ела* (УВт) / *plnęła rybka – Hajusie zjadła, skubała* (ПВт). Утопивший же девушку *Ванька с добром поехал домой...* (РВт)

Приведенные в статье примеры из составленного каталога наглядно иллюстрируют многообразие воплощений сюжета в деталях при сохранении его основных мотивов. Следует также добавить, что рассматриваемый сюжет не имеет единого жанрового воплощения и определяется собирателями и составителями песенных изданий не только как баллада или дума – жанры повествовательной природы, но и как лирическая, полупротяжная,

шуточная и плясовая песня. Вероятно, рассматриваемый песенный текст был связан с мужской исполнительской традицией и бытовал преимущественно в военной (казаки, солдаты) среде. Отсюда проистекают особенности смысловой и жанровой трактовки сюжета, ориентированного на западные области распространения вариантов произведения, потенциальная возможность его выхода за пределы славянского песенного репертуара.

Пути проникновения балладного сюжета в Поволжье

Каким же образом этот сюжет проник и закрепился в чувашской фольклорной традиции, бытующей на расстоянии почти двух тысяч километров от обозначенных западных территорий? В отличие от насчитывавшего уже более четырех с половиной столетий взаимодействия с русскими, в Поволжье у чувашей с белорусами и украинцами устойчивых контактов не было. Вероятнее всего, чувашаи познакомились с этим сюжетом и «привезли» его в родные края непосредственно с территорий его бытования в Белоруссии / на Украине / в Польше во время Первой мировой войны. Известно, что чувашаи были призваны на эту войну вместе с русскими и другими народами, населявшими Российскую империю. Во время военной службы чувашаи знакомились, общались и дружили не только со своими соплеменниками, но и с представителями других национальностей. Об этом повествует участник Первой мировой войны чуваш С. В. Васильев (литературный псевдоним Эльгер) в своих воспоминаниях «Върçă кунĕсем» (Дни войны) [Элкер, 1937]. Семен Васильевич хорошо знал русский язык, что давало ему возможность общаться со славянскими народами, в частности с украинцами. В минуты отдыха солдаты разговаривали, делились новостями из писем, пели песни своего народа.

Факт военной службы чувашей на территории Белоруссии во время Первой мировой войны отражен также в полевых дневниковых записях В. Д. Ефремова, уроженца чувашского селения Илюткино Старо-Максимкинской волости Чистопольского уезда Казанской губернии. В. Д. Ефремов (1890–1978) – кавалерист пятого эскадрона 14-го драгунского Малороссийского полка; дневниковые записи выполнены им на русском языке в 1915 г. на западных территориях Гродненской губернии (на границе с современной Польшей) и на западе Витебской губернии [Федотова, 2021, с. 50, 52, 56].

Контакты между чувашами и белорусами (украинцами, поляками) происходили и во время Второй мировой войны. Так, например, в военном

дневнике командира разведывательной роты И. Ф. Федорова повествуется о его дружбе с украинцами А. И. Штепой, Олейником, Полянским, Сутоцким, Хорунжим, Присяжным и др. [Федотова Е. В., Федотова Т. Ю., 2020]. На страницах дневника говорится о том, что командир И. Ф. Федоров пел своим солдатам чувашские рекрутские песни; вполне возможно, что его товарищи в ответ исполняли песни своего народа. Таким путем даже в трагическое военное время осуществлялся своеобразный культурный обмен между представителями разных этнических традиций.

Однако мы склоняемся к мысли о том, что охарактеризованный балладный сюжет был почерпнут чувашами в период Первой мировой войны. Об этом свидетельствует большая популярность этой баллады именно на рубеже XIX–XX вв. Кроме того, рассматривая нотированные образцы баллады, можно обнаружить ощутимые проявления двигательной динамики в ее метроритмической организации. Это качество свойственно именно солдатской строевой песне – возможно, строевой песне конного строя. В период же Великой Отечественной войны более популярными и актуальными становятся песни, стилевым ориентиром которых является преимущественно лирическая песенность поздней традиции.

Выводы. Чувашское «прочтение» балладного текста

В заключение мы хотим вернуться к чувашским образцам этого фольклорного произведения и в сравнении с текстами с западных территорий проследить, каким образом в вариантах байта проявилось чувашское народное мироощущение.

Закономерно изменяется локализация происходящего. Географическое название в текстах отсутствует, *корчма* заменяется *лавкой* (СВт, ПВт4). В ЧВт1 место действия не указывается вообще, текст начинается со слов: *Я одиноко сидела когда, зашел какой-то солдат*. В четырех из пяти чувашских текстов солдат пьет *пиво* – излюбленный чувашский напиток, а не вино¹³. Описание добра, погруженного на повозки, в чувашских образцах в целом совпадает с подобными описаниями, зафиксированными на западных территориях. Это вполне реалистичное приданое: перина, подушки, одеяла, в одном случае – *хлеб* (ЧВт1) и несколько умозрительные золото

¹³ При этом исполнителей не смущает возникающее несоответствие – *виноградное пиво*, в то время как традиционно чувашки варят пиво из ячменного или ржаного солода и хмеля.

и серебро, символизирующие богатство. Однако в чувашских текстах появляется новый атрибут роскоши – *шелк* (СВт, ЧВт2), характерный именно для чувашского представления о богатой, красивой жизни. Утопление девушки, как правило, происходит в Волге (в одном случае – в море (ЧВт2)). Таким образом – через упоминание локальных реалий – народное сознание актуализирует для себя содержание привнесенного извне текста. В заключение одного из чувашских образцов (ЧВт2) появляются словосочетания-формулы из обрядовых чувашских текстов – свадебных и рекрутских песен, маркирующие собой процесс перехода и расставания (*со светлым миром я рассталась*). Обращают на себя внимание наставления другим девушкам, звучащие как бы от лица погибшей: *Красивые девушки, в солдата не влюбляйтесь! Солдат вас обманет и в Волге утонит* (СВт). Наконец, поздняя положительная концовка, в которой девушка не топится, а возвращается домой, нам известна только по чувашским вариантам (ЧВт3, ЧВт4). В целом же чувашским текстам присуща лаконичность и афористичность, отсутствие подробных описаний (в некоторых случаях – лишь намек на них), что также характерно именно для чувашской народной поэтики.

Рассмотрев преломления текста байта-баллады в разных этнических, территориальных и временных контекстах, проследив возможные пути его распространения, можно поразиться изобретательности народной фантазии и удивительным миграциям фольклорных сюжетов. Поистине каждая фольклорная традиция – это прежде всего искусство вариантов.

Список литературы

Головацкий Я. Ф. Народные песни Галицкой и Угорской Руси, собранные Я. Ф. Головацким: В 4 т. М.: Университетская типография (М. Катков), 1878. Ч. 3: Разночтения и дополнения. 527 с.

Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. М.: Типография А. В. Васильева, 1903. Ч. 4. 720 с. (Зап. Имп. рус. геогр. об-ва по отделению этнографии; т. XXVII).

Исмаилова Е. И., Федотова Е. В. Тема разлуки в песенном фольклоре чувашских переселенцев Кемеровской области // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 241–257. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257

Квитка К. В. Избр. тр.: В 2 т. М.: Сов. композитор, 1973. Т. 2. 383 с.

Киреевский П. В. Собрание народных песен П. В. Киреевского / Записи П. И. Якушкина; подгот. текстов, предисл., коммент. З. И. Власовой; ст. и муз. прилож. М. А. Лобанова. Л.: Наука, 1986. Т. 2. 328 с.

КЧЭ – Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. 526 с., ил.

Песни средненизовых чувашей: для голоса без сопровожд. / Сост. М. Г. Кондратьев. Чебоксары: Изд-во НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чуваш. Республики, 1993. 336 с.

Романов Е. Р. Белорусский сборник. Киев: Типография С. В. Кульженко, 1885. Т. 1: Могилевская губерния, вып. 1–2: Песни, пословицы, загадки. 468 с.

Смирнов Ю. И. Восточно-славянские баллады и близкие им формы (Опыт указателя сюжетов и версий). М.: Наука, 1988. 117 с.

Федотова Е. В. Первая мировая война глазами кавалериста: обзор дневниковых записей // Этническая культура. 2021. Т. 3, № 4. С. 50–57.

Федотова Е. В., Федотова Т. Ю. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. на страницах военного дневника капитана И. Ф. Федорова // Регионы России в военной истории страны: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., г. Йошкар-Ола, 18–19 ноября 2020 г. / Ред.-сост. О. А. Кошкина, Е. П. Кузьмин. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. Вып. 2. С. 367–377.

Эолова арфа: Антология баллады / Сост., предисл., коммент. А. А. Гугнина. М.: Высш. шк., 1989. 670 с.

БНТ – Беларуская народная творчасць. Балады. У 2 кн. / Рэд. К. П. Кабашнікаў, В. І. Ялатаў; уклад. Л. М. Салавей. Минск: Навука і тэхніка, 1978. Кн. 2. 744 с. (Серия: Беларуская народная творчасць)

Франко І. Я. Народні пісні в записях Івана Франка. Видання друге, доповнене і перероблене. Київ: Музична Україна, 1981. 334 с.

Элкер Ç. Вăрçă кунĕсем. Шупашкар: Чăваш АССР Гос. изд-ви, 1937. 370 с. (на чуваш. яз.)

Kolberg O. Dzieła Wszystkie. Mazowsze. Część IV. Wrocław; Poznań: Polskie towarzystwo Ludoznawcze, 1964. Т. 27. 399 p.; Т. 28. 380 p.

References

Belaruskaya narodnaya tvorchasts'. Balady [Belarusian folk art. Ballads]. In 2 books. Minsk, 1978, book 2, 744 p. (in Belarus.)

Dobrovolsky V. N. Smolenskiy etnograficheskiy sbornik [Smolensk ethnographic collection]. Moscow, 1903, pt. 4, 720 p.

Elker Ç. Värçä kunësem [Days of war]. Shupashkar, 1937, 370 p. (in Chuvash)

Hugin A. A. (comp., preface, comment.). Eolova arfa: Antologiya ballady [Aeolian harp: Anthology of ballads]. Moscow, 1989, 670 p. (in Russ.)

Fedotova E. V. Pervaya mirovaya voyna glazami kavalerista: obzor dnevnikovyykh zapisey [The First World War through the eyes of a cavalryman: a review of diary entries]. *Ethnic Culture*, 2021, vol. 3, no. 4, pp. 50–57. (in Russ.)

Fedotova E. V., Fedotova T. Yu. Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg. na stranitsakh voennogo dnevnika kapitana I. F. Fedorova [Great Patriotic War 1941–1945 on the pages of the military diary of Captain I. F. Fedorov]. In: *Regiony Rossii v voennoy istorii strany* [Regions of Russia in the military history of the country]. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yoshkar-Ola, November 18–19, 2020). Yoshkar-Ola, 2020, iss. 2, pp. 367–377. (in Russ.)

Franko I. Ya. Narodni pisni v zapisyakh Ivana Franka. Vidannya druge, dopovnenne i pereroblene [Folk songs in Ivan Franko's recordings. The second edition, supplemented and revised]. Kiev, 1981, 334 p. (in Ukr.)

Golovatskiy Ya. F. Narodnye pesni Galitskoy i Ugorskoy Rusi, sobrannyye Ya. F. Golovatskim [Folk songs of Galician and Ugric Rus', collected by Ya. F. Golovatskiy]. In 4 vols. Moscow, 1878, 527 p. (in Russ.)

Ismagilova E. I., Fedotova E. V. The Theme of Separation in the Song Folklore of the Chuvash Settlers of the Kemerovo Region. *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 241–257. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-241-257

Kireevskiy P. V. Sobranie narodnykh pesen P. V. Kireevskogo [Collection of folk songs by P. V. Kireevsky]. Records of P. I. Yakushkin. Leningrad, 1986, vol. 2, 328 p. (in Russ.)

Kolberg O. Dzieła Wszystkie. Mazowsze. Część IV [All Works. Mazovia. Part IV]. Wrocław, Poznań, 1964, vol. 27, 399 p.; vol. 28, 380 p. (in Pol.)

Kratkaya chuvashskaya entsiklopediya [Brief Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, 2001, 526 p. (in Russ.)

Kvitka K. V. Izbrannyye trudy [Selected works]. In 2 vols. Moscow, 1973, vol. 2, 383 p. (in Russ.)

Kondratiev M. G. (comp.). Pesni srednenizovykh chuvashy: dlya golosa bez soprovozhd [Songs of the Middle Chuvash: for voice without accompaniment]. Cheboksary, 1993, 336 p. (in Chuvash, in Russ.)

Romanov E. R. Belorusskiy sbornik [Belarusian collection]. Kiev, 1885, vol. 1: Mogilev province, iss. 1–2: Songs, proverbs, riddles, 468 p. (in Belorus.)

Smirnov Yu. I. Vostochno-slavyanskije ballady i blizkie im formy (Opyt ukazatelya syuzhetov i versiy) [East Slavic ballads and forms close to them (An experience in indexing plots and versions)]. Moscow, 1988, 117 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Екатерина Игоревна Исмагилова, кандидат искусствоведения

Наталья Владимировна Леонова, кандидат искусствоведения

Елена Владимировна Федотова, кандидат филологических наук

Information about the Authors

Ekaterina I. Ismagilova, Candidate of Sciences (History of Arts)

Natalya V. Leonova, Candidate of Sciences (History of Arts)

Elena V. Fedotova, Candidate of Sciences (Philology)

Статья поступила в редакцию 15.04.2024;

одобрена после рецензирования 20.04.2024; принята к публикации 20.04.2024

The article was submitted on 15.04.2024;

approved after reviewing on 20.04.2024; accepted for publication on 20.04.2024